

Больше внимания краеведческой литературе

Общество историков-марксистов, Ивановское областное отделение. «Против вредительства в краеведческой литературе». Сборник под редакцией Н. Рубинштейна и М. Зеленского. ОГИЗ. Москва, Иваново-Вознесенск. 1931 г.

с. 60

В правильной постановке антирелигиозной работы значение краеведческих исследований, краеведческой литературы исключительно велико. Ведь вся агитмассовая работа безбожников только тогда даёт нужный эффект, когда она строго дифференцирована, когда она насыщена местным материалом, когда она опирается на подробное и чёткое знание местных особенностей в развитии классовой борьбы, на изучение состояния религиозного, в частности церковно-сектантского фронта в данном районе, на изучение коренных сдвигов в быту и мировоззрении тех слоёв трудящихся масс, к которым обращаются со своей пропагандой лектор, беседчик, безбожная литература, безбожная работа в целом. И на данном этапе особенно важно краеведческое изучение корней, форм всё нарастающего отхода масс от религии в рабочем посёлке и колхозе, на новостройках, в национальных районах.

К сожалению, ряд работ по краеведческому изучению религии и атеизма, вышедших за последний десяток лет, показывает, что наши безбожные организации ещё не подошли должным образом к развитию исследовательской работы на основе краеведения.

Рецензируемая книжка должна приковать к себе живое внимание всех безбожников, работающих на фронте изучения религиозности и её отмирания, в особенности сейчас в связи с необходимостью проверки продукции СВБ в свете письма т. Сталина в редакцию журнала «Пролетарская революция».

Сборник представляет собою переработанную стенограмму сообщений, сделанных на заседании Ивановского областного отделения Общества историков-марксистов в феврале 1931 г. Выступавшие товарищи подвергли резкому критическому разбору работы рыбинских, мстерских, переяславль-залесских, костромских, владимирских, юрьев-польских краеведческих организаций.

Взошедшие на дрожжах буржуазного университета Платоновых, Готье, Гревсов и им подобных идеологов самодержавия и кулачества, представители местной буржуазной интеллигенции, часто попы и миссионеры в прошлом, долгое время вершили судьбами изучения местного края, судьбами советского краеведения. М. Смирнов, Золотарёв, Зимин и так далее выпускали большие «труды», перлы кулацко-эсеровского подхода к различным событиям и фактам прошлого и настоящего городов районов Иваново-Промышленной области. И только сейчас, к сожалению, дождалась она своего разоблачения.

И мы, безбожники, должны признаться, что было время, когда труды этих лиц мы считали даже «прекрасными» (смотри, например, оценку, данную т. Н. М. Маториным работе М. И. Смирнова «Куль и крестьянское хозяйство» — о ней ещё речь впереди — как «прекрасной» обнаруживающей «редкий у краеведов антирелигиозный подход» — статья т. Маторина в «Антирелигиознике» № 1, 1930 г., перепечатана в сборнике «За марксизм в советском краеведении», 1931 г.).

Мы видим в материалах брошюры редкий букет классово-враждебной идеологии, прямые контрреволюционные выпады, откровенную проповедь поповщины, полный отрыв тематики ивановских краеведов от актуальных задач социалистического строительства, яркие образчики как великодержавного шовинизма, так и местного национализма, смакующее *описание религиозного быта, истории церквей XVI и XVII вв.*

* Дунаевский, Л. Больше внимания краеведческой литературе / Л. Дунаевский // *Антирелигиозник*. — 1932. — № 15—16 (август). — С. 60—62.

Мы должны вполне присоединиться к той общей оценке «трудов» этих «краеведов», которую дают авторы брошюры, ивановские историки-марксисты: *«Идеалистическое мракобесие, пропаганда религии — вот что отличает „научные“ исследования Гревса и его последователей в краеведческих обществах области. Рыбинский „историк“ Золотарёв объявил марксизм „идеологией еврейства“, автор истории Переяславля М. И. Смирнов проповедовал православие, а В. Смирнов в собраниях „трудов“ костромского краеведческого общества утверждал могущество сверхъестественных сил».*

В результате такой «теории» и соответствующей ей практики **«антирелигиозные отделы музеев в действительности были церковными отделами, базами религиозной пропаганды».**

Вот в 1920—21 гг. издаётся в Рыбинске рукописный журнал, и его девиз: «консервирование настоящего в надежде на будущее». Этот наглый кулацко-эсеровский лозунг в сущности остался программой и дальнейшей десятилетней работы рыбинских «краеведов».

«Душа полна благодарности тому „Родному краю“ (так назывался орган Рыбинского краеведческого общества), — для всех работавших в нём он сыграл определённую роль объединяющего импульсирующего огонька, гревшего в ненастье!»

О каком «ненастье» здесь говорится, совершенно ясно. Пролетарская революция, как вихрь, смела врагов революции, стоявших по ту сторону баррикад. Вот на «огонёк» редакции и шли греться пострадавшие от этого вихря обломки бывших эксплуататорских классов.

В брошюре Ивановских товарищей особенно резко разоблачён М. И. Смирнов, сделавший для увековечения памяти «церковного причта села Большие Бремболы», в котором прославился отец Смирнова, напечатавший труд «Надпись на кадиле в церкви села Большие Бремболы в Переяславльском уезде». Этот «утонченный» исследователь родословной князей Мещерских, с которыми он породнился, в 1922 г. писал в брошюре, касаясь быта населения после революции: «Как будто вскрылся гнойник души народной и взору наблюдателя представилась картина хищения, грабежа, обмана, предательства и тому подобного». — «Хулиганство, пьянство, воровство, матерщина раздаётся во всех углах каждого селения ежедневно».

«Так оставленный на произвол судьбы (?!!) народ потянулся к новой культуре и, встретив на своём пути полукультурные слои города, перенял от них малоценное и заменил им красочную старину» (страница 20).

с. 61 «Новые пришельцы (славяне) не были завоевателями и покорителями туземцев (меря), а мирными колонистами... Из всех превосходств славян над финнами, — пишет Смирнов в 1929 г., — самое сильное и самое заметное влияние оказало принятие православия». «В прежнее время монастыри были очагами просвещения и носителями национального самосознания». «Монашество влекло к себе лучших людей своего времени».

«Для нас этих цитат также вполне достаточно, чтобы считать Смирнова проповедником религиозного мракобесия в исторической литературе по краеведению», — пишет тов. Зеленский.

Мы решили подробно познакомиться с работой М. И. Смирнова, признанной «прекрасной» и «антирелигиозной» т. Маториным. И вот что мы тут увидели. В этой работе «Культ и крестьянское хозяйство в Переяславль-Залесском уезде» (по этнографическим наблюдениям, написана 23/IV—23 г., издана в 1927 г.) содержатся такие «научные» теории и формулировки. «В виде культовых обрядов, примет, поверий и прочего фольклор настолько слился с трудом земледельца, что самое его занятие приобрело, в сравнении, например, с фабричным трудом характер чего-то культового и мистического» (смотри страницы 3—67).

В основе этих особенностей лежит своеобразное мировоззрение, представляющее собою синкретическую мозаику языческо-христианского культа... Чтобы полнее выяснить этот вопрос, мною разослана была по уезду анкета, сущность вопросов которой сводилась к следующим положениям:

1. Взгляд местного населения на природу и его верования в участие небесных сил, а также силы нечистой в тех или иных проявлениях природы.
2. Способы влияния чрез эти силы на природу посредством магизма культовых обрядов и установлений.
3. Культовые особенности, связанные с полеводством и скотоводством.
4. Наконец, влияние революции на эти традиции.

В 1923 г. М. И. Смирновым было написано, **в 1927 г., на 10 году революции**, было напечатано следующее:

Но что особенное, небывалое случилось в народе в революцию, так это появление среди него атеистов. Ещё не успела закончиться историческая борьба между попом и колдуном, ещё стадия

религиозного развития народа недалеко ушла от своего первоначального источника, как раздался революционный клич к низвержению религии и культа вообще и нашёл себе приверженцев среди народа. Правда, **это почти исключительно партийные и сочувствующие партии лица, и их не так много, может быть это не составляет и одного процента (??) населения уезда;** тем не менее, знаменателен самый факт появления атеистов. По своей природе он создаёт, так сказать, „дух времени“ и подтачивает старое отжившее. (Страницы 63 и 64.)

Здесь не ставятся точки над «и», не говорится, каково же отношение самого автора к этому «небывалому явлению», но установка автора достаточно ясна. Приведём в подтверждение ещё ряд цитат:

Агроному и зоотехнику нужно быть ещё **этнографом**, они должны **знать все культовые приёмы ведения сельского народного хозяйства и в них находить исходную или отправную точку для своей работы.** Без знакомства с этой „культовой“ агрономией и зоотехникой, как это происходит сейчас, надлежащий сдвиг в агрономической работе не удастся. (Страница 65).

Верная по существу мысль о важности изучения истории культа, фольклора и так далее, о необходимости всемерного использования данных краеведного, этнографического изучения в массовой политпросветработе здесь доводится до прямого абсурда. По Смирнову выходит, что не коллективизация и не индустриализация сельского хозяйства, не развитие классовой борьбы в деревне и не внедрение в неё трактора, машинной техники и так далее являются исходными пунктами для работы советских агрономов, а смакование той религиозной мистики, которая должна быть полностью выкорчевана из сознания колхозников. Конечно, надо изучать фольклор и уметь использовать данные этого изучения в качестве материала для агитации, но нелепо предложение считать знание фольклора условием «сдвига в агрономической работе».

Вот ещё один перл, дальше которого идти некуда. М. И. Смирнов называет безбожников просто «преступниками»:

В одном месте, когда крестьяне раз вышли в Казанскую из церкви и увидели, что один из их сограждан стал сенокосить, то, недолго думая, вывезли пожарную машину и облили его сено. В других местах таких преступников (!) наказывают при дележе покоса или пашни, заставляют отбывать не в зачёт подводную повинность и прочее. (Страницы 46—48).

Правильно заключают ивановские товарищи: «Смирнов — идеолог реставраторских вождений кулачества». Недаром известный «историк» Готье дал ему такую оценку: **«Труды Смирнова — выдающееся явление в области нарождающегося русского краеведения».**

Но довольно об этом Смирнове, перейдём к вождю костромских краеведов **Вас. Смирнову.**

Тов. Ладоха в статье «Историческая и этнографическая „науки“ в издании костромских краеведов» остро разоблачает брошюру **Вас. Смирнова** «Клады, паны и разбойники» («Этнографические очерки Костромского края», 1921). «Трусость, легковерие, невежество и дикость, а главное, свою жадность к богатству народ особенно ярко отметил в своих собственных сказаниях», — вот что писал Вас. Смирнов. У него существует только «народ», но никакого классового разделения нет!

Здесь и прямые контрреволюционные выпады: «Народные симпатии... вплоть до самого последнего времени, несомненно, на стороне тех, кем „много было бито, граблено“, по выражению былины».

Таковы же и другие костромские краеведы: **Зимин**, описывающий «плач населения» при мобилизации в 1919 г., **Линдовский**, бытописатель «вичужской фабричной старины», рисующий накопление богатств капиталистами «мирными легальными средствами».

Тов. В. Гальперин в статье «Краеведение или мракобесие» правильно констатирует в работах костромских краеведов, в их большой «серии программ и инструкций» — **«полное игнорирование революции и выдвинутых ею задач, сознательный отрыв краеведческой работы от потребностей социалистического строительства».**

«Бессильные мешать победоносному наступлению социализма непосредственно, деятели Костромского научного общества **отыгрываются на этнографии:** здесь они на просторе отводят себе душу проповедью поповщины и чертовщины... Из сотен печатных листов, вышедших в издательстве Костромского научного общества, не меньше $\frac{3}{4}$ пропитаны духом средневековья».

«Любовное отношение к остаткам дикости и суеверия, такое смакование поповщины и чертовщины» пронизывает все программные установки, все работы этих «краеведов».

Вот ещё перл из перлов чертовщины в работе **Вас. Смирнова:** «Народные гаданья Костромского края» (описаны 556 гаданий!): «В настоящее время, когда успехи опытных наук

и выводы опытной психологии действительно говорят о том, что механизм человеческого духа может воздействовать на окружающий мир, не приходится удивляться тому, что **на известной ступени развития человек вынуждает у бога или у чёрта указания (!)**, в снах или тёмных знаках старается угадать высшую волю, пытается силы, дремлющие в вещах, оживить, заставить двигаться покорными велению духа». (Страница 40.)

Действительно, мракобесие, дальше которого идти некуда!

Вот «Программа для собирания сведений о народном питании» (издана при ближайшем участии и ЦБК и Ивановского общества краеведов)... «Кресты. Когда пекут кресты (на 4-й неделе великого поста, в крещенский сочельник?). Из какого теста делают кресты? Значение запечённых предметов? Порядок дележа крестов? Не кормят ли крестами скот? Не оставляют ли крест до ярового посева? Не существует ли у ребят обычая окликать говенью и собирать кресты? Запишите окликанья говенья!»

Таковы же и **владимирские** «историки промышленности» **Бочаров и Иванов**, любители самобытного русского творчества.

Сборник для школы «Труд», составленный председателем «**юрьев-польского** научного общества по изучению местного края» — **Шкакиным**, описывает различных князей церкви и собор, дворы воевод и детей боярских, но ни слова не сообщает о положении рабочих и крестьян до революции.

«Надо зорче и тщательнее следить за классовым врагом на идеологическом фронте. Надо очистить пролетарскую общественность от классово чуждой литературы».

С этим выводом ивановских товарищей нельзя не согласиться полностью.

Ивановские историки-марксисты данной брошюрой сослужили большую пользу (смотри об этом в журнале «Советское краеведение» № 1, 1932 г.). Но мало только разоблачить и отместить поповские элементы из советского краеведения. Надо организовать большую работу по втягиванию в него и широких кадров научного фронта, вузовцев и школьников, а главное рабочих и колхозников, жадно потянувшихся к знанию, к исследовательской работе, не только овладевающих наукой и техникой, но и реконструирующих их на новой **социалистической** основе. И здесь для безбожников непочатый край работы. Им предстоит во что бы то ни стало наладить, в ближайшее же время, на основе краеведения широкое изучение роста безбожия, процесса отмирания религии, чтобы в самые минимальные исторические сроки преодолеть пережитки капитализма в сознании трудящихся.